

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ

Э. А. Паин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Аннотация: В статье анализируются российские научные источники и государственные документы, посвященные этническим и национальным отношениям, выявляются их эклектический характер и путаница в употреблении терминов. Предлагается авторское определение феномена «межэтнические отношения», в котором главным признаком становится осознание культурных различий. Автор отталкивается от разграничения понятий «нация» и «этнос» в научной традиции и государственном управлении, как они исторически сложились в разных моделях — французской и немецкой. В мировой науке закрепляются различия между двумя типами воображаемых сообществ: с одной стороны — нациями как политическими сообществами, связанными с идеей гражданства и народного суверенитета, а с другой стороны, с этнокультурными сообществами, определяемыми ныне с помощью таких терминов, как «этнос» или «этниа» (ethanee), «этническая группа» (ethnic group), «этничность» (ethnicity). Прослежены истоки и эволюция термина «нация» в России с конца XVIII в. по советское время включительно. Проведена типологизация этнических процессов относительно двух фундаментальных разновидностей: разделительных (вертикальные и горизонтальные конфликты) и объединительных (сближение, слияние, растворение). Исследование осуществлено на материале истории России последних двух веков, с опорой на данные переписей и статистики. Описаны основные этапы и особенности процессов ассимиляции в мире и в России, ее этапы и циклы (аккультурация, социализация, экономическая аккомодация, идентификация себя в качестве полноценного члена принимающего общества). Описаны проявления разделительных процессов на примере России, и исследованы истоки конфликтов. Выделены три основные проблемные сферы: социально-экономическое и социально-статусное неравенство; изменение этнодемографической ситуации; этноязыковые отношения и проблемы. Доказывается, что весь комплекс этносоциальных и этноязыковых проблем в России разворачивается на фоне значительного подъема интереса людей к этнической идентичности.

Ключевые слова: нация, этничность, аккультурация, социализация, экономическая аккомодация, культурная идентичность, межэтнические конфликты.

Для цитирования: Паин Э. А. Межэтнические отношения: сущность и основные разновидности // *Koinon*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 71–87. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.003

INTERETHNIC RELATIONS: THE ESSENCE AND THE CORE VARIETIES

E. A. Pain

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Abstract: The article analyzes Russian academic sources and government documents with the focus on ethnic and national relations reveals their eclectic nature and the confusion in the use of terms. The article provides the authorial definition of the phenomenon “inter-ethnic relations”, the main feature of which is the awareness of cross-cultural differences. The author proceeds from the differentiation of the concepts of “nation” and “ethnos” in the scientific tradition and public administration, as they have historically developed in different models — French and German. In world science, the differences between two types of imaginary communities are established: on the one hand — nations, as political communities that are associated with the idea of citizenship and popular sovereignty. And, on the other, ethnocultural communities that are defined nowadays with the help of such terms as “ethnos” or “ethanee”, “ethnic group”, “ethnicity”. The author traces the origins and evolution of the notion “nation” in Russia from the late 18-th to Soviet time inclusive. He also produces the typologization of ethnic processes concerning two fundamental varieties: dividing (vertical and horizontal conflicts) and unifying (convergence, merger, dissolution). The scholar carried out the research on the material embracing Russian history of the last two centuries based on the census and statistical data. The author describes key stages and specific features of assimilation processes in the world and Russia, its phases and cycles (acculturation, socialization, economic accommodation, self-identification of a full member of the host society). The paper illustrates the manifestations of dividing processes by the case of Russia and examines the sources of conflicts. The author identified three problem areas: socio-economic and socio-status inequality; changes in the ethno-demographic situation; ethno-language relations and problems. The author argues that the whole range of ethno-social and ethno-language issues in Russia is developing against the background of people’s growing interest in ethnic identity.

Keywords: nation, ethnicity, acculturation, socialization, economic accommodation, inter-ethnic conflicts, cultural identity.

For citation: Pain, E. A. (2020), “Interethnic Relations: the Essence and the Core Varieties”, *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 71–87 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.003

О сущности межэтнических отношений

Слова «нация» и «этнос» на разных языках, казалось бы, означают одно и то же явление: народ, различаясь лишь латинским и греческим происхождением этого термина. Однако суть понятий «нация» и «этнос» в научной традиции и государственном управлении исторически различалась. Эрнест Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация?» (1882) называл «глубоким заблуждением» смешение «этнографии» и «нации». По его мнению, «этнографический фактор не играл никакой роли при образовании современных наций» [Ренан 2006], поскольку нация во Франции сформировалась из смешения разных этнических групп.

Французская модель политической нации была принята уже в XVIII в. в США и отразилась в американской Конституции. Такая же модель была воспроизведена и в Швейцарии — первой в мире полиэтнической федеративной республике. Согласно Конституции Гельветической республики 1798 г., единой нацией стали называть всех граждан федеративной республики, жителей всех кантонов федерации, несмотря на различия основного языка кантона (немецкого, французского или итальянского) и их вероисповедания (преимущественно протестантского в германских кантонах и католического — в остальных) [Federalism and Multiethnic States 2000].

Совершенно иная трактовка нации утверждалась на территории Германии. Единого немецкого государства не существовало до 1871 г., и уже поэтому в многочисленных германских княжествах использовалось *более древнее, этнокультурное понятие нации*. При такой трактовке нации у немцев не было нужды вводить, как во Франции, дополнительное понятие «этнос». В конце XVIII в. важнейшим признаком немецкого понимания нации стал мистический *народный дух (Volksgeist)*, якобы извечно присущий потомкам германских племен и обоснованный философом Иоганном Гердером [Vazsonyi 1999]. Его философия использовалась в качестве идейных предпосылок для развития этнического национализма — движения, добивавшегося объединения этнической немецкой нации в едином государстве Германия.

В начале XX в. Фридрихом Майнеке была предложена теоретическая классификация наций на основе анализа опыта разных стран и впервые сформулировано различие между «*культурными нациями*» (Kulturnationen), т. е. народами, связанными только общей этнической культурой (ныне такой феномен называли бы «этносом» или «этнической группой») и «*государственно-политическими нациями*» (Staatsnationen), народами, объединенными общим государством и его законами [Meinecke 1911, s. 2–3]. Обе модели нации — этническая (германская модель) и политическая (французская) — долгое время существовали параллельно. В России термин «нация» появился уже в конце XVIII в. в его политической, французской трактовке и в таком виде

использовался как царем Александром I, так и революционным дворянством, позднее названным «декабристами» [Паин 2015, с. 55]. Однако начиная с 1830-х гг. французская трактовка, с ее идеей народного суверенитета, стала целенаправленно изгоняться из политического обихода России. Вначале ее вытесняли с помощью понятия «народность», а в 1860-х гг. понятие нации вновь появилось, но уже в немецкой этнической трактовке, сохранявшейся и в советское время [Там же, с. 56–57].

Что касается термина «этнос», то он хоть и был предложен Широкогоровым в 1923 г. [Широкогоров 1923, с. 13], но в советской науке не использовался (хотя бы потому, что был изобретен «белоэмигрантом») вплоть до начала 1980-х гг., когда был переосмыслен и переозвучен академиком Бромлеем [Бромлей 1983, с. 58]. Его стараниями этот термин стал основным в этнографии и породил своеобразное потомство в виде комплекса производных терминов, таких как «этнические процессы», «межэтнические отношения», «межэтнические конфликты» и др. Все они стали вытеснять советские аналоги, типа «национальные отношения», однако, как вскоре выяснилось, ненадолго.

В мировой науке всё яснее закрепляются различия между двумя типами воображаемых сообществ: с одной стороны — нациями как политическими сообществами, связанными с идеей гражданства и народного суверенитета, а с другой стороны, с этнокультурными сообществами, определяемыми ныне с помощью таких терминов, как «этнос» или «этноя» (*ethanee*), «этническая группа» (*ethnic group*), «этничность» (*ethnicity*) [Паин 2004; Калхун 2006; Сунни 2014, с. 19]. Но в России общественные науки такие же суверенные, как и «демократия», поэтому в главном официальном документе национальной политики, в Стратегии государственной национальной политики до 2025 г., даются весьма своеобразные и не имеющие прецедентов в мировой практике определения, в которых термины «этноты» и «нации», «этничность» и «национальность» эклектически соединены в некий терминологический конгломерат. В этом документе дается, например, следующее определение: *«Межнациональные (межэтнические) отношения — взаимодействие людей (групп людей) разных национальностей (разной этнической принадлежности) в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни Российской Федерации, оказывающих влияние на этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации, гражданское единство»* [Стратегия государственной национальной политики 2012]. Здесь, как писал поэт, «смешались в кучу кони, люди»

По отношению к этому определению выскажем два основных замечания. Во-первых, взаимодействие между людьми разной этнической принадлежности вовсе не всегда можно считать межэтническим. Взаимоотношения покупателя и продавца, соревнующихся спортсменов, солдат в армии будут социальными, даже если эти участники торговых транзакций, спортсмены

и солдаты, характеризуются разной этнической принадлежностью. Эти отношения могут стать межэтническими *только в случае «активизации этничности» — осознания участниками взаимодействия значимости этнических различий*. Например, пассажиры автобуса разной этнической принадлежности могут и не замечать своих этнических различий, и в этом случае их отношения не являются межэтническими, но они превратятся в межэтнические в случае проявления того, что Ф. Барт называл «социальной границей» — обстоятельств, противопоставляющих одних людей другим, по принципу «мы — они», «свои — чужие» [Этнические группы 2006]. Скажем, если кто-либо из пассажиров осознает обстоятельства поездки (тесноту, давку, взаимные оскорбления или просто незнакомый язык других пассажиров) как следствие этнических различий между пассажирами.

Мы предлагаем следующее определение: *межэтнические отношения — это форма группового взаимодействия между людьми разной этничности, осознающих свои культурные различия и субъективно переживаемую социальную границу между «мы» и «они»*. Само это осознание составляет суть межэтнических отношений, будь то *конфронтация* или *диалог, партнерство и согласие*.

Во-вторых, советский термин «межнациональные отношения» и новый — «межэтнические отношения» вовсе не синонимы, они означают разные явления. Если в Стратегии в качестве нации обозначено понятие «российская нация», то межнациональными следует называть ее отношения с представителями других наций такого же таксономического уровня, например американской, французской или индийской. Внутри каждой нации проявляются межэтнические отношения. Внутри российской нации они могут охватывать не только более 190 народов, зафиксированных в переписи 2010 г., но и более тысячи этнических групп, имеющих свои этнонимы, но пока не обозначенных в переписи, а также множество людей разной этнической принадлежности, прибывающих в Россию в качестве мигрантов. В рамках такого понимания мы предлагаем классификацию межэтнических отношений.

В свое время Ю. Бромлей отнес все этнические процессы к двум фундаментальным разновидностям: (а) разделительные и (б) объединительные [Бромлей 1983, с. 235]. На наш взгляд, такая классификация применима и к межэтническим процессам (отношениям).

Объединительные (интегративные) процессы

Интеграция (от лат. *integratio* — соединение) — объединение частей в целое. Такое объединение в этнонациональной сфере может включать в себя весьма разнородные и, как правило, длительные, поэтапные процессы:

(1) *сближение* нескольких народов в рамках единого федеративного государства, с сохранением основных признаков этничности у каждого из них

(особый язык, самосознание, самоназвание) или включение мигрантов разной этничности в систему политических и социально-экономических отношений сложившейся политической нации, но также с охранением у мигрантов основных этнокультурных признаков. В Стратегии государственной национальной политики принята концепция «*гражданской интеграции*», при которой целостность нации рассматривается как «единство в разнообразии», сохранение возможностей для культурного разнообразия и недопущение дискриминации людей разной этнической принадлежности;

(2) *слияние* разных этнических общностей в новую этническую общность (например, объединение в единый древнерусский народ полян, древлян, дреговичей) и появление у возникшего этноса новых культурных качеств, в разной мере воспринятых создавшими его народами;

(3) *растворение* одного этноса в другом, как правило более многочисленном, с утратой этнического языка, самоназвания и самосознания — этот процесс называется ассимиляцией, которая также весьма разнородна по своим проявлениям. Остановимся на последней разновидности межэтнических отношений, получившей название «ассимиляция».

Ассимиляция (лат. *assimilatio* — уподобление, усвоение, растворение). По определению В. А. Тишкова, этническая ассимиляция — это «частичная или полная утрата культуры в пользу другой, обычно доминирующей культуры, включая и смену этнической идентичности. <...> Ассимиляции подвергаются прежде всего малочисленные группы с принижённым социальным и политическим статусом <...> В России ассимиляция происходит главным образом в пользу русской культуры и языка». Далее автор говорит о том, что преобладающей является ассимиляция добровольная, но реже она «может осуществляться и через структурное или прямое насилие, когда государство препятствует распространению языка и других форм культуры этнических меньшинств и даже отказывает им в признании и в предоставлении гражданских прав (например, курды в Турции и Ираке)» [Народы и религии 1998]. Отметим, что и ненасильственная ассимиляция, как правило, вынужденная, поскольку вытеснение из сознания человека этнической идентичности, усвоенной в детстве, всегда вызвана некой внешней необходимостью — экономической или социальной, поэтому ассимиляция характерна преимущественно для этнических меньшинств и особенно для мигрантов.

Для истории России последних двух веков не характерна полная ассимиляция этносов, завершающаяся утратой ими самоназваний (этнонимов). Даже такие этнические общности, как евреи, немцы, поляки, финны и греки, численность которых в России быстро сокращалась в XX в. в результате эмиграции многих тысяч людей указанных национальностей в страны, именуемые «исторической родиной», всё же сохранили свои небольшие российские диаспоры (этнические группы, проживающие за пределами территорий государств,

на которых исторически сформировались этносы). Меньше других подвержены ассимиляции представители малочисленных автохтонных народов, имеющих в России свою этническую территорию. Частичная ассимиляция таких общностей, например забвение родного языка значительной частью его носителей, встречается чаще. Тем не менее, по данным переписи населения России 2010 г., во всех ее республиках не менее двух третей представителей народа, давшего название республике, владеют родным этническим (национальным) языком, даже составляя меньшинство населения в своей республике. Наименьшая доля людей, владеющих языком своей национальности, отмечена среди коми — 65 % в Республике Коми; удмуртов — 67 % в Удмуртской Республике и мордвы — 71 % в Республике Мордовия [Сафин, Мухтасарова, Халиулина 2019]. Вместе с тем у представителей этих же народов, проживающих за пределами своих этнических территорий, степень утраты знания своего национального языка и этнического самосознания намного выше.

Мигранты (лица, сменившие место жительства), особенно те из них, которые ориентированы на постоянное проживание в новой этнокультурной среде, в наибольшей мере готовы к ассимиляции, по крайней мере к частичной утрате навыков традиционной этнической культуры и освоению новой культуры, прежде всего ее языка. Мигранты разных национальностей в новых условиях, приспосабливаясь к принимающему сообществу, демонстрируют неизмеримо большую готовность к вступлению в межэтнический брак, чем у себя на родине. В Эстонии не более 10 % эстонских мужчин вступают в межэтнические браки, а в России 94 % всех супружеских пар с участием эстонских мужчин — межэтнические; у литовцев и латышей этот показатель в России еще выше — 97 % [Сороко 2014, с. 100]. Вместе с тем доля межэтнических браков снижается по мере роста в стране численности мигрантов той или иной этничности, поскольку в этом случае увеличивается выбор невест и женихов среди этнически «своих». Такую тенденцию демонстрируют переселенцы из числа народов Средней Азии, составляющие в последние десятилетия наибольшую долю прироста мигрантов в Российской Федерации. За период между переписями 2002 и 2010 гг., по мере увеличения в России численности узбеков, таджиков и киргизов, доля межэтнических пар в их среде уменьшилась: у узбеков — с 78 до 53 %; у таджиков — с 70 до 56 %, а у киргизов — более чем вдвое, с 42 до 20 % [Там же]. Само же стремление к моноэтническим бракам обусловлено преимущественно рациональным выбором, прежде всего стремлением к сохранению привычного стиля жизни в семейной повседневности (родного языка в общении, этнических традиций, например пищевых), а также большим доверием к «своим» невестам и женихам. Ориентация на внутригрупповое общение у мигрантов возрастает, если они расселяются компактно в моноэтнических кварталах, типа китайских «чайнатаунов» в городах США. В таких кварталах процессы ассимиляции мигрантов в принимающем сообществе существенно

тормозятся. Еще один такой тормоз ассимиляции отметил Маркус Л. Хансен в 1937 г., описав широко распространенный феномен «третьего поколения». Суть его в том, что мигранты первой волны, прибывающие в Америку, обычно страстно стремятся влиться в новую среду и порой демонстрируют свой «американизм» и культуру «янки» больше, чем местные жители, а их внуки «хотят вспомнить то, что пытались забыть деды», — свою национальную родину [Hansen 1938, p. 9]. Ее образ, как правило сильно мифологизированный, служит компенсацией их неудовлетворенности своим прежним статусом в новых условиях, и такого рода образы затрудняют идентификацию мигрантов с новым национальным сообществом.

Так или иначе, ассимиляция мигрантов — сложный и противоречивый процесс. Согласно концепции «циклов расовых отношений» (Race Relations Cycle), разработанной Робертом Парком еще в начале прошлого века, ассимиляция включает четыре этапа: знакомство, соперничество, аккомодацию (приспособление) и, наконец, ассимиляцию мигрантов в принимающем сообществе¹. С тех пор признание ассимиляции как поэтапного процесса не подвергается сомнению, хотя существуют разные варианты классификации таких этапов или циклов. Наиболее обобщенно их можно сформулировать следующим образом:

- *аккультурация* (освоение языка принимающего сообщества и внешних атрибутов его поведения);
- *социализация* (принятие основных правил поведения и предлагаемых социальных ролей);
- *экономическая аккомодация* (приспособление к требованиям экономической системы);
- *идентификация* себя в качестве полноценного члена принимающего общества.

Ныне стало понятно, что завершенность ассимиляции не предопределена, поскольку существует множество факторов, препятствующих этому процессу и создающих немало «трений» на его пути.

Разделительные процессы (сепарации)

Под ними понимается совокупность социально-политических и этнических процессов, вызывающих в той или иной мере расколы социально-политических общностей, а также напряженности и конфликты в отношениях между этническими группами единого государства. Мы проиллюстрируем некоторые проявления разделительных процессов на примере России.

В 1990-х гг., в первые годы существования постсоветской России, центральной проблемой национальной политики был вопрос о политическом

¹ См. подробнее: [Костенко 2014, с. 63].

статусе этнических территорий. Именно он породил особый тип конфликтов в межэтнических отношениях.

«Вертикальные конфликты», или «конфликты суверенизации». Это межгрупповые отношения, в рамках которых широкие массы людей определенной этнической принадлежности могут объединяться в политические движения, обычно называемые «национальными движениями», консолидируясь вокруг идеи национального самоопределения. Идея суверенизации формируется этническими элитами, приобретая затем массовую популярность.

Большую часть межэтнических конфликтов, вспыхнувших в 1990-х гг., можно назвать «вертикальными», поскольку они были направлены как бы «снизу» (со стороны национальных движений) «вверх» — к центральным (федеральным) органам власти. Требования национальных движений преследовали своей целью изменение статуса территории проживания — от полного суверенитета до повышения уровня автономии республики, которая объявлялась «национальным достоянием» той или иной этнической общности. Все «вертикальные» конфликты, так или иначе, отражали процесс дезинтеграции Советского Союза, проявившейся в *«параде суверенитетов»* (1988–1991 гг.). Речь шла о конфликтах между союзным центром и союзными республиками, вызванных провозглашением верховенства республиканских законов над союзными. Одним из первых проявлений этого процесса стал карабахский конфликт, начавшийся в 1988 г.² Он открыл собой череду длительных вооруженных конфликтов (карабахский, абхазский, таджикский, югоосетинский, осетино-ингушский, приднестровский и чеченский), в которых участвовали регулярные армии и использовалось тяжелое оружие. В процессе «парада суверенитетов» проявились вертикальные конфликты и внутри России. По уровню радикальности требований, предъявляемых российским властям национальными движениями, все конфликты суверенизации внутри России могут быть разделены на четыре типа:

- конфликты, возникшие в результате притязаний существовавших ранее национально-территориальных автономий на полный государственный суверенитет; к таковым на территории Российской Федерации относился только чеченский конфликт, который породил две вооруженные кампании (1994–1996 и 1999–2000 гг.);
- конфликты, связанные с односторонним повышением статуса республик, объявлением их «субъектами международного права» или включением в республиканские конституции других норм, противоречащих федеральному

² Началом карабахского вооруженного конфликта считают 20 февраля 1988 г., когда сессия областного Совета Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) приняла обращения к Верховным советам СССР, Азербайджана и Армении с просьбой дать разрешение на передачу Карабаха из состава Азербайджана в состав Армении (см.: [Зверев 1996, с. 19]).

законодательству, но без формального притязания на создание на базе этих автономий независимых государств (республики Татарстан, Башкирия, Тува, Якутия и некоторые другие — 1991–1992 гг.);

- конфликты, ставшие следствием провозглашения этническими общинами новых национально-территориальных автономий. На такой основе развивались следующие конфликты: (а) между рядом национальных движений Дагестана и властями республики; (б) между балкарским национальным движением и властями Кабардино-Балкарской Республики; (в) между движением радикальной части этнических общин Карачаево-Черкесии и ее властями, отказавшимися признать ранее провозглашенные Карачаевскую, Черкесскую, Абазинскую и две казачьи (Урупско-Зеленчукскую и Баталпашинскую) республики (1992–1994 гг.);

- конфликты между национальными движениями соседних республик, претендующими на контроль над спорными пограничными территориями. Речь идет прежде всего о конфликте между Северной Осетией и Ингушетией из-за Пригородного района. Этот конфликт, безусловно, «горизонтальный» межэтнический, поскольку породил, по крайней мере на время, массовые взаимные претензии между ингушами и осетинами. В то же время его можно считать и «вертикальным», поскольку лидеры противостоящих сторон апеллировали к федеральной власти, требуя подтвердить их права на территорию (1992 г.).

Все «конфликты суверенизации» в России оказали значительное влияние на обострение «горизонтальных» межэтнических отношений (см. ниже), вызвав, например, потоки внутренних вынужденных миграций, пик которых пришелся как раз на время активизации указанных конфликтов. Так, в процессе осетино-ингушского конфликта (1992 г.) «практически всё ингушское население Северной Осетии — Алании и менее многочисленное осетинское население Ингушетии на многие годы покинули свои дома...» [Мкртчян 2002]. Чеченскую Республику накануне двух военных кампаний, а также в ходе вооруженных столкновений покинули 250 тыс. человек, по большей части русских, тогда как после второй кампании (1999–2000 гг.) основную долю вынужденных мигрантов составили чеченцы [Там же].

К началу 2000-х гг. отчетливо проявилась смена ведущей тенденции в этнополитических процессах, а вслед за ней изменился и характер межэтнических отношений. В это время противоречия между республиками и федеральным центром стали менее заметными по сравнению с новой проблематикой — конфликтностью взаимоотношений этнических мигрантов и принимающих сообществ, прежде всего в городах России.

«Горизонтальные конфликты» — этнически окрашенные межгрупповые конфликты. Это название весьма условное. Во-первых, речь не обязательно идет о конфликтах как наиболее острых социальных противоречиях, проявляющихся

в открытых действиях, зачастую это более мягкие противоречия, например взаимные подозрения, не доходящие до прямых столкновений. Во-вторых, слово «горизонтальные» подчеркивает, что эти противоречия не затрагивают непосредственно отношений общества и власти, а протекают внутри разных групп населения или между ними. Такие горизонтальные противоречия могут возникать при взаимодействии индивидов и групп, идентифицирующих себя с этническим большинством или с меньшинствами, с местным населением или с мигрантами, а также между разными группами внутри мигрантских сообществ и др.

К числу давних относятся следующие горизонтальные конфликты в России:

- *борьба за однотипные формы хозяйственного использования ограниченных земельных и водных ресурсов с включением в конфликт этнической мобилизации.* Классические примеры дают хозяйственно-земельные споры в равнинных сельскохозяйственных районах Дагестана, если в соседних селениях или кварталах крупных полиэтнических селений проживают представители разных этнических общностей: аварцы, чеченцы-акинцы, кумыки, лезгины и др.; подобные конфликты в Ставропольском крае и Ростовской области между русскими и этническими группами выходцев из Дагестана и Чеченской Республики; конфликты в Республике Крым между русским и крымско-татарским сельским населением;

- *борьба за разное хозяйственное использование одних и тех же территорий* в районах проживания народов с разными хозяйственно-культурными традициями (например, сельскохозяйственной и скотоводческой) и разными исторически сложившимися этническими специализациями. Одни группы хотят использовать территорию как пастбища, а другие для земледелия. Такие конфликты характерны для многих регионов Северного Кавказа. В районах проживания коренных малочисленных народов Севера подобные конфликты возникают в случае попыток промышленного освоения территорий традиционного хозяйствования коренных народов, например оленеводства.

В 2000–2020 гг. наибольший размах межэтнических конфликтов проявился не в республиках России, а в ее краях и областях и не столько в сельской местности, сколько в крупнейших городах, центрах притяжения мигрантов. В эти годы проявились две основные разновидности горизонтальных конфликтов с этнической мобилизацией:

- *погром — одностороннее идеологически подготовленное насильственное действие представителей националистических групп этнического большинства, направленное против религиозных, национальных или расовых меньшинств, и прежде всего мигрантов.* Термин «погром», вошедший ныне в правовой язык во всем мире, возник в России в конце XIX в., когда в еврейских кварталах некоторых городов устраивались погромы, инспирированные властями по политическим и идеологическим соображениям. В настоящее время

погромы характерны для разных стран мира, и одним из основных объектов такой формы насилия все чаще становятся мигранты [Сапего 2006]. По данным аналитического центра «Сова», насильственные действия, мотивированные этническими предубеждениями в отношении меньшинств, преимущественно из числа мигрантов, в начале 2000-х гг. отмечались более чем в 40 регионах страны. Местом наибольшего притяжения мигрантов стали крупнейшие города страны. На Москву и Московскую область в разные годы приходилось от 33 до 42 % всех преступлений на этнической почве, на Санкт-Петербург и Ленинградскую область — 11–15 % [Альперович, Юдина 2012];

- *двусторонние, спонтанные межэтнические конфликты на основе изначально бытовых столкновений.* Классическим примером конфликта этого типа могут служить столкновения в Кондопоге (Карелия). В 2006 г. здесь в течение нескольких дней (29 августа — 3 сентября) разрастался межэтнический конфликт, первоначальным толчком для которого стал заурядный бытовой спор в ресторане. Сторонами этого спора были две группы людей, русской и чеченской национальности, и в какой-то момент обе они посчитали, что задеты их этнические чувства. В напряженной психологической обстановке этого оказалось достаточно для вспышки этнического конфликта, в который было вовлечено, в его кульминационной точке, около тысячи жителей города. По аналогичному сценарию развивались события в других населенных пунктах (Демьяново, Кировская область, 2012 г.; Пугачев, Саратовская область, 2013 г.; Бирюлево, Москва, 2013 г.; Нурлат, Татарстан, 2013 г.; Чемодановка, Пензенская область, 2019 г.; и др.), хотя этнический состав групп, вступавших в конфликт, был разным.

Преобладание в 2000-х гг. миграционных горизонтальных конфликтов над вертикальными указывает на сближение этнополитической ситуации в России со странами «глобального Севера», в межэтнической и межконфессиональной проблематике которых, несомненно, преобладают темы, связанные с миграционными процессами. На рубеже XX–XXI вв. Россия и Германия уступали только США, но лидировали в Европе среди стран с наибольшим притоком иммигрантов. При этом по уровню негативного отношения принимающего населения к иммигрантам Россия, судя по данным Европейского социального исследования (ESS), в трех его волнах (2006–2008; 2016 и 2019 гг.) устойчиво занимала срединное положение и входила в одну группу с Чехией и Эстонией; уступала Германии, Великобритании и Франции, но выглядела более толерантной в сравнении с Венгрией, Израилем и Португалией [Дробижева 2013, с. 256].

В числе проблем «горизонтальных» межэтнических отношений сохраняются, хотя и выглядят менее болезненными, чем миграционные, взаимоотношения между русским населением и титульными этническими общностями в республиках. В таких отношениях можно выделить три основные проблемные сферы:

- *социально-экономическое и социально-статусное неравенство*. Исследования Института социологии РАН показывают, что при всех нюансах таких различий, они имеют преимущественно психологическую природу. Как отмечает В. Коротева, «люди склонны преувеличивать ущемленность собственной группы и преуменьшать ее привилегии» (цит. по: [Дробижева 2013, с. 234]);

- *изменение этнодемографической ситуации*. В Российской империи и в СССР до 1959 г. численность русского населения в так называемых национальных окраинах росла, а затем стала сокращаться. И эта тенденция ныне характерна для большинства республик Российской Федерации. Сложившаяся этногеографическая ситуация сама по себе воспринимается как неблагоприятная немалой частью русского населения в республиках, но она порождает предпосылки для межэтнических конфликтов в ряде других сфер, например этноязыковой;

- *этноязыковые отношения и проблемы*. Они весьма характерны для взаимоотношений автохтонных этнических меньшинств и этнического большинства страны. В меньшей мере такие проблемы затрагивают отношения мигрантов и принимающего населения. Мигранты, как правило, осваивают язык принимающего сообщества, тогда как этнические меньшинства, исторически сложившиеся в той или иной стране, особенно те, которые сохранили свои этнические территории, обычно стремятся сохранить и родной язык. В Российской империи использование и преподавание языков меньшинств, даже если не ограничивались законом, то не поощрялись. В Советском Союзе в 1920–1930-х гг. проводилась политика коренизации: осуществлялся переход делопроизводства с русского языка на языки других народов России, не только во всех советских республиках, но даже в сельских национальных районах. К 1937 г. эта кампания была свернута и установилась норма, при которой меньшинствам необходимо было изучать и знать русский язык, а русским в большинстве республик СССР, не говоря уже об автономиях в составе РСФСР, необязательно было знать язык народа, именем которого названа республика. Конституция России 1993 г. закрепила изменение языковой политики: республики РФ получили право устанавливать свои государственные языки, а в некоторых из них они стали обязательными для изучения всеми гражданами вне зависимости от этнической принадлежности. В 2018 г. этноязыковое законодательство фактически вновь вернулось к советской модели. 25 июля 2018 г. Государственная дума приняла поправки к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», которые делают обязательным изучение государственных языков республик. Однако эти изменения в российской языковой политике вызвали протесты у части национальной интеллигенции и студенчества в Татарской, Башкирской, Чувашской республиках, а также в Республике Коми. Проблемы, связанные с языками титульных национальностей республик Российской Федерации, способны оживить

вертикальные конфликты суверенизации. Напомним, что в конце 1980-х гг. движение балтийских республик к независимости началось с их требований к руководству СССР о возрождении национальных языков.

Весь комплекс этносоциальных и этноязыковых проблем в России разворачивается на фоне значительного подъема интереса людей к этнической идентичности. Исследования Института социологии РАН свидетельствуют, что для второй декады XXI в. характерны наивысшие показатели этих ценностей за двадцать лет наблюдения. Этническая идентичность впервые оказалась значимой для 90 % граждан [Дробижева 2013, с. 264]. Почти всеобщий интерес граждан России к своей этнической идентичности не выглядит таким уж необычным для страны с почти 200 народами и одним из самых высоких в мире притоком мигрантов. Впрочем, во всем мире вырос интерес к этнической идентичности, хотя многие выдающиеся мыслители предрекали ее затухание и переход в эпоху постнационального мира. Вторая декада 2000-х гг. ознаменовалась взрывом национал-популизма, важную особенность которого подметил немецкий политолог Клаус Зегберс: «Во множестве стран люди активно начинают задумываться о том, что они именуют “политиками идентичности” — те видятся им более важными, чем экономическая политика. Политика идентичности — это то, что я чувствую себя обделенным, я чувствую себя маргинализированным, я чувствую себя утратившим политический голос, я чувствую себя разорванным. И единственный способ с этим справиться — чувство культурной идентичности» [Зегберс 2019]. Есть и другие важные причины роста общественного интереса к культурной (в том числе и этнической) идентичности. После террористических актов начала 2000-х гг. — в городах США, Париже, Лондоне и Стокгольме — значительно возросла потребность людей в национальном сплочении. И наконец, фактор глобализации вызывает не только усиление взаимосвязи стран мира, наций, людей, но и противоположный процесс роста интереса к своей стране, своей малой родине и своей этнонациональной идентичности. Возможно, существуют и другие факторы, вызывающие оживление этнической идентичности. Их анализ представляет немалый научный интерес, но в практическом отношении важнее то, что такая активизация и политизация этничности требуют внимания общества и государства и умелого регулирования межэтнических отношений.

Список литературы

- Альперович, Юдина 2012 — Альперович В., Юдина Н. Ультраправые на улицах, правоохранители в Интернете [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2012. 27 июня. URL: http://www.polit.ru/article/2012/06/27/Spring_12_12-06-22/ (дата обращения: 20.09.2020).
- Бромлей 1983 — Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 412 с.
- Дробижева 2013 — Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М. : Новый хронограф, 2013. 332 с.

- Зверев 1996 — *Зверев А.* Этнические конфликты на Кавказе // Спорные границы на Кавказе: сб. ст. / под ред. Б. Коппитерса. М. : Весь Мир, 1996. С. 19.
- Зегберс 2019 — *Зегберс К.* Этика «базовых нужд» и современная Европа [Электронный ресурс] // Фонд «Либеральная миссия». 2019. 6 мая. URL: <http://www.liberal.ru/articles/7361> (дата обращения: 20.09.2020).
- Калхун 2006 — *Калхун К.* Национализм / пер. с англ. А. Смирнова. М. : Территория будущего, 2006. 286 с.
- Костенко 2014 — *Костенко В. В.* Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 62–76.
- Мкртчян 2002 — *Мкртчян Н.* Десятилетие вынужденной миграции в России [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2002. 26 июня. URL: <https://polit.ru/article/2002/06/26/464308/> (дата обращения: 20.09.2020).
- Народы и религии 1998 — Народы и религии мира / гл. ред. В. А. Тишков. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 926 с.
- Паин 2004 — *Паин Э. А.* Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М. : Новое издательство, 2004. 248 с.
- Паин 2015 — *Паин Э. А.* Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 54–71.
- Ренан 2006 — *Ренан Э.* Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения: 20.09.2020).
- Сапего 2006 — *Сапего Г.* Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 50–58.
- Сафин, Мухтасарова, Халиулина 2019 — *Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиулина А. И.* Этногеографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 2. С. 152–167. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167.
- Сороко 2014 — *Сороко Е.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С. 96–123.
- Стратегия государственной национальной политики 2012 — Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) [Электронный ресурс] // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (дата обращения: 20.09.2020).
- Суни 2014 — *Суни Р. Г.* Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы : материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. М. : РОССПЭН, 2014. С. 17–40.
- Широкогоров 1923 — *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. 134 с.
- Этнические группы 2006 — Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта ; пер. с англ. И. Пильщикова. М. : Новое изд-во, 2006. 198 с.
- Federalism and Multiethnic States 2000 — *Federalism and Multiethnic States: the Case of Switzerland* / ed. by L. R. Basta Fleiner, Th. Fleiner. 2nd rev. ed. Genève ; Munich : Helbing et Lichtenhahn, 2000. 231 p.
- Hansen 1938 — *Hansen M. L.* The Problem of the Third Generation Immigrant. Rock Island, IL : Augustana Historical Society, 1938. 24 p.
- Meinecke 1911 — *Meinecke F.* Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates. München ; Berlin : R. Oldenbourg, 1911. 553 s.
- Vazsonyi 1999 — *Vazsonyi N.* Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the «National Spirit Debate» in Germany, 1765–1767 // German Studies Review. 1999. Vol. 22. No. 2. P. 225–246. DOI: 10.2307/1432074.

References

- Al'perovich, V. and Yudina, N. (2012), "The Extreme Rightists on the Streets, Law Enforcers in the Internet", *Polit.ru*, 27 June, available at: http://www.polit.ru/article/2012/06/27/Spring_12_12-06-22/ (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Barth, F. (ed.) (2006), *Ethnic Groups and Boundaries*, translated by Pil'shchikov, I., Novoe izdatel'stvo, Moscow, 198 p. (in Russian).
- Basta Fleiner, L. R. and Fleiner, Th. (eds) (2000), *Federalism and Multiethnic States: the Case of Switzerland*, 2nd rev. ed., Helbing et Lichtenhahn, Genève, Munich, 231 p.
- Bromlei, Yu. V. (1983), *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos], Nauka, Moscow, 412 p. (in Russian).
- Calhoun, C. (2006), *Nationalism*, translated by Smirnov, A., Territoriya budushchego, Moscow, 286 p. (in Russian).
- Drobizheva, L. M. (2013), *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiiskoi Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in Socio-Political Space of the Russian Federation. The Lessons of the Past 20 years], Novyy Khronograf, Moscow, 332 p. (in Russian).
- Hansen, M. L. (1938), *The Problem of the Third Generation Immigrant*, Augustana Historical Society, Rock Island, IL, 24 p.
- Kostenko, V. V. (2014), "Theories of Migration: from Assimilation to Transnationalism", *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 17, no. 3, pp. 62–76 (in Russian).
- Meinecke, Fr. (1911), *Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*, R. Oldenbourg, München, Berlin, 553 s.
- Mkrtychyan, N. (2002), "A Decade of Forced Migration in Russia", *Polit.ru*, 26 June, available at: <https://polit.ru/article/2002/06/26/464308/> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Pain, E. A. (2004), *Mezhdu imperiei i natsiei. Modernistskii proekt i ego traditsionalistskaya al'ternativa v natsional'noi politike Rossii* [In between the Empire and Nation. A Modernist Project and its Traditionalist Alternative in Russia's Policy on Nationalities], Novoe izdatel'stvo, Moscow, 248 p. (in Russian).
- Pain, E. A. (2015), "Imperial Nationalism: Emergence, Evolution and Political Prospects in Russia", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 54–71 (in Russian).
- Renan, E. (2006), *Chto takoe natsiya? Doklad, pročitannyy v Sorbonne 11 marta 1882 goda* [What is a Nation? A Report Delivered at Sorbonne on March, the 11-th, 1882], available at: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Safin, F. G., Mukhtasarova, E. A. and Khaliullina, A. I. (2019), "Ethno-Linguistic and Ethno-Demographic Development of Finno-Ugric Nations in the Ural-Volga Region", *Finno-Ugric World*, vol. 11, no. 2, pp. 152–167 (in Russian). DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167.
- Sapego, G. (2006), "Immigrants in Western Europe", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 9, pp. 50–58 (in Russian).
- Shirokogorov, S. M. (1923), *Etnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii* [Ethnos. A Study into Fundamental Principles for the Change of Ethnic and Ethnographic Phenomena], Shanghai, 134 p. (in Russian).
- Soroko, E. (2014), "Ethnically Mixed Families in the Russian Federation", *Demographic Review*, vol. 1, no. 4, pp. 96–123 (in Russian).
- Strategiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda, utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 19 dekabrya 2012 goda № 1666* [The Strategy for the State Policy on Nationalities for the Period until 2025 (Approved by the Decree of the RF President of 19 December 2012 No.1666)] (2012), Garant.ru, available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Suni, R. G. (2014), "The Soviet and the National: the Unity of Contradictions", in *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody, materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 goda* [Soviet Nations and the State Policy on Nationalities

- in 1920-1950s, Collected Papers of the 6-th International Scientific Conference. Kiev, 10-12 October, 2013], ROSSPEN, Moscow, pp. 17–40 (in Russian).
- Tishkov, V. A. (ed.) (1998), *Narody i religii mira* [Peoples and Religions of the World], Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, Moscow, 926 p. (in Russian).
- Vazsonyi, N. (1999), "Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the 'National Spirit Debate' in Germany, 1765–1767", *German Studies Review*, vol. 22, no. 2, pp. 225–246. DOI: 10.2307/1432074.
- Zegbers, K. (2019), "Ethics of "Basic Needs" and Today's Europe", *Fond "Liberal'naya missiya"*, 6 May, available at: <http://www.liberal.ru/articles/7361> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Zverev, A. (1996), "Ethnic Conflicts in the Caucasus", in Koppiters, B. (ed.), *Spornye granitsy na Kavkaze, sbornik statei* [Disputed Borders in the Caucasus, collected papers], Ves' Mir, Moscow, p. 19 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 22.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.10.2020

Информация об авторе

Паин Эмиль Абрамович
доктор политических наук, профессор,
профессор-исследователь
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000 Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: epain@hse.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-8796-187X

Information about the author

Pain, Emil Abramovich
D. Sci. (Political Sciences), Professor,
Professor-Researcher
National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow,
101000 Russia
E-mail: epain@hse.ru
Author's ORCID: 0000-0002-8796-187X